

Заповедник встретил меня интересной смесью переживаний: я как бы оказался в походе, но при этом – дома. Все визуальные, слуховые, тактильные ощущения ассоциировались с потребностью двигаться, куда-то идти с рюкзаком за спиной. Но уходить было некуда: сотни квадратных километров лесов и скал теперь и были моим домом. С людьми – наоборот: их здесь очень мало, поэтому каждый – это концентрированный человек, воспринимаемый во сто раз более четко, чем в городе, и способный заменить собой сотню разреженных человеческих фантомов, с которыми я знался прежде. А персонажи соцсетей, эти лица в кружочках, которые в прошлой жизни были такими весомыми, теперь и вовсе превратились в бесплотные нейтрино, непонятно зачем введенные физиками в картину мира. Были ли они когда-либо? Все воображаемые сущности оказались вмиг раздавлены тяжелой гипер-материальностью: лесом, холодом, дождем за шиворот, чудовищной тряской в «буханке», запахом поленницы, чавканьем грязи под подошвами, туманными холмами на горизонте. Вроде бы я регулярно испытывал все это в походах, и даже хвастливо полагал себя большим знатоком по части подобных ощущений, но теперь все было по-другому – это был не путь, это была не гостиница, это была, как минимум, очень длительная стоянка. И я уже не был инородным элементом, который подобно комете стремительно пролетает чужую галактику – я был частью всего этого. Во всяком случае, должен был стать. А город между тем уплывал все дальше. Он уже казался островом посреди моря. Правда, пока достаточно большим, чтобы издали угадывались дома и даже люди, но я уже их не слышал: звуки скрывало расстояние и шум воды. Впрочем, почти все главные люди были здесь, рядом, и еще один должен был приехать вот-вот. Легкомысленно транжиря деньги, я ежевечернее докладывал Косте о своих чувствах. Ощуцаю ли я страх, разочарование? А должен? Пока что здесь столько забот (признаться, не ожидал от этой глуши), что просто не успел об этом подумать. Вот когда ты приедешь, ты мне все объяснишь, произведешь нужные настройки, и я пойму, что чувствую...

- А как девушки? Не скучают? Маша говорит, что счастлива, но, может, это по другому поводу...

- Докладываю: девушки в перерывах между хозяйственными заботами пишут план каких-то экопросветительских мероприятий. Заметь – от руки. Тут так принято, так как картриджей в конторе не хватает. На выходных, возможно, проведут первую экскурсию для школьников под наблюдением старшего товарища. Тася вечерами сочиняет эссе, а Маша – рассказ. Еще они обожают сидеть у печки. Впрочем, ведут себя так, словно жили здесь всегда.

- А ты?

- Пока возможности стать героем не представилось. Нет ни губернаторов, охотящихся на оленей с вертолета, ни министров, строящих дачи на берегах, которых я мог бы остановить грудью. Но, надеюсь, они меня не разочаруют и скоро наведаются... К этому времени как раз закончится моя стажировка, включающая в себя изучение территории и вороха пожелтевших бумаг, и я буду в их полном распоряжении ... Но на самом деле – мне тут очень хорошо. Спасибо тебе! Если бы не ты...

- Рад за тебя, – поспешно перебил Костя. – Признаться, я немного беспокоился. А теперь от сердца отлегло. Возможно, сейчас тебе мой вопрос покажется неуместным, но ... помнишь ли ты одного странного человека по имени Николай?

Я, конечно, вспоминал его. Но скорее, даже не его, а тот факт, что я должен его помнить.

- Припоминаю, хотя и с трудом, – усмехнулся я. – Отсюда он еле заметен. Даже не знаю теперь, чего он мне больше принес – плохого или хорошего. А что? Неужели кто-то из общих знакомых нашелся?

- Примерно так. Вообще, я побывал у него дома.

Я разом встряхнулся.

- У Николая?! Ты его видел? Погоди... Это не опасно? Он ничего тебе не сделал?

- Абсолютно ничего. Он совершенно безобиден. Есть одно интересное обстоятельство, но об этом лучше при встрече. Приеду и все расскажу.

- Это правда не стоит того, чтобы рассказать об этом прямо сейчас?

- Правда. Твои деньги важнее.

Костя приехал. Последовал новый взрыв суеты, передвижений, тряски в «буханке», перетаскиваний тяжестей, знакомств, смущений, рукопожатий. Костя был растерян, хотя мужественно не подавал виду. А я ощутил себя аборигеном, имеющим возможность с высоты своего недельного опыта уверить его, что семь дней назад я точно так же сомневался, а через семь дней вперед он станет таким же невозмутимым, как я.

Зато вечером наша кухня с печкой стала средоточием покоя и уюта. На завтра было запланировано освоение второй «квартиры» нашего барака. Пока мы были вдвоем, нам хватало одной: девушки спали на кроватях в комнате, я – на полу в кухне. На вторую половину дома пока никто из сотрудников не претендовал, поэтому ее временно также решили отдать нам. Но это – завтра. Сегодня Костя расположился рядом со мной у печки; жены укладывались спать за стенкой. Днем мы не успели протопить как следует, поэтому сейчас на нас лежала обязанность дежурить, по крайней мере, до полуночи, и подбрасывать дрова. Я ждал, пока девушки за стенкой затихнут, готовясь услышать сенсационные новости. Но Костя, к моему удивлению, совершенно не выражал нетерпения. Напротив, он чуть ли не забыл о своем обещании и даже задремал. Мне пришлось потормошить его.

- Костя, они уснули. Давай!

- Что?... Ах, ты об этом. Ну да. Я привез тебе видеозапись моего общения с Николаем. Могу показать.

- Господи, ну конечно же! Как ты ухитрился ее сделать? И ты молчал!

- Боюсь, ты будет разочарован. Смотри.

Он порылся в смартфоне и, найдя нужный ролик, повернул ко мне. Я жадно уставился в блеклую картинку. Да, но где же ... Сначала я даже не узнал его. И долго бы не узнавал, если бы не был уверен заранее, что это он. «Николай» сидел в комнате у компьютера и сосредоточенно смотрел на экран, где разворачивалась сцена из какой-то игры-стрелялки. «Ну что, не тянет?» - слышался озабоченный голос Кости. «Ниче, нормально», - бесчувственно отозвался рот этого, я бы сказал, организма, ибо вся его жизненная энергия в этот момент ушла в передвижение мыши. Я знал Николая почти исключительно по фото. Но даже неподвижное лицо с фотографий было в десять раз более живым, чем это видео. Пустые, отсутствующие, бессмысленные глаза. Приоткрытое отверстие рта. Ритмично-конвульсивные движения руки с мышью. Довершала образ типичного компьютерного идиота банка с каким-то энергетиком, стоящая слева от экрана. Не может быть, чтобы это был Николай! Невозможно, чтобы интеллектуальный демон мог опроститься настолько...

- Я специально снимал долго, минуты три, чтобы удовлетворить твое любопытство, - добавил

Костя. – Но поверь, в течение всего времени картинка не меняется.

Так и было. Закадровый голос Кости явно пытался разговаривать своего героя, чтобы дать мне хоть какую-то пищу для размышлений. Но ничего, кроме односложных фраз и междометий, из Николая (?) выжать не удалось. Я просмотрел еще раз с начала. Потом – еще раз. Это было что-то невероятное. Это был другой человек! Но с внешностью Николая.

- Да, именно. Все точно как с Тасей, - ответил Костя моим мыслям.

- Но как ты его нашел?

- Это история поинтересней, чем он сам, - согласился Костя. Усевшись в спальнике, он ловко подтянул себя вместе с ковриком к стене, чтобы поудобнее опереться спиной. – Она началась в тот день, когда ты сообщил, что проверил почтовый ящик и что там не было ничего от Николая. А ведь он писал НТ, что в ящике для нее положена записка.

- Но ведь там ничего и не могло быть, - не понял я. – Он же явно хотел выманить ее из квартиры. А там бог весть что бы с ней сделал.

- Я заранее извиняюсь за детективную стилистику, которая слышна в моих словах, но эта, мысль, так сказать, не давала мне покоя.

- Какая?

- Что он не мог таким образом рассчитывать выманить ее из квартиры и поймать. Мало того, что было совершенно очевидно, что она на это не купится – Николай на тот момент еще не влез к ней в доверие – но ведь это чисто технически было невозможно. Посуди сам – сидеть под лестницей всю ночь! Тут весьма вероятно, что соседи проявят даже не бдительность, а банальную заботу о своей безопасности, и вызовут полицию. Ждать на улице – тоже нереально. Холодно, а главное – в случае появления НТ он просто не успел бы вломиться в подъезд и взбежать по лестнице. Да и как бы он узнал, что она решила спуститься? Лестница видна, только если стоять напротив окон парадной.

- Я бы подумал, что все это входило в пакет действий по запугиванию. Он и сам, наверное, не знал, зачем это делает. Интуитивно пробовал то одно, то другое.

- Мне показалось, что для предполагаемой цели это уж чересчур бессмысленные действия, - промолвил Костя. – И я решил свою гипотезу проверить.

- Ты думал, что он действительно оставил записку? Но ведь там ничего не было.

- Я предположил, что Николай оставил записку не для НТ. А для человека, который знает, где ее искать. Или догадается. Впрочем, я приехал к вам домой с вашими ключами и открыл ящик. Новых квитанций еще не было; я выгреб рекламки. Потом внимательно осмотрел внутренность ящика через щель. И заметил крошечный уголок листка, который виднелся, скажем так, в конструктивном зазоре в глубине ящика. Я попробовал его достать. Пытался и так и эдак, подковыривал ножом и кусочком проволоки. Но не смог. И тогда мне пришло в голову, что «вход» в этот зазор должен быть и через нижний ящик, и что оттуда подковырнуть застрявший листок будет удобнее, в силу закона тяготения. ... Э, похоже, пора подбросить дровину!

И правда, я совсем забыл о печке. Дрова едва тлели, а до оптимального уровня тепла было еще далеко. Я принялся реанимировать горение.

- Благо, вы перед отъездом очень предусмотрительно познакомили меня с Ниной Михайловной, вашей замечательной соседкой, которая одним своим существованием опровергает унылые рассуждения об атомарности общества. Николай уже в который раз воспользовался ее социальной активностью – первый раз, когда показывал себя Тасе через глазок, а второй раз – для операции с листком. Тот ящик, что находится под вашим, принадлежит именно ее квартире. Я позвонил, поздоровался и попросил помочь мне достать «завалившееся» письмо. Добрая женщина весьма удивилась, потому что раньше письма в этом зазоре никогда не застревали. Я с ней полностью согласен, потому что вероятность этого сравнима с падением монеты на ребро...

- Значит...

- Значит, его специально туда засунули. Причем сделать это при закрытом ящике никак нельзя. То есть ящик открывали.

- Выходит, Николай его сунул туда еще до всего ЭТОГО, когда значился другом Таси... Какая, однако, сложная композиция: подложить заранее письмо с прицелом, чтобы потом сообщить об этом Тасе – нет, уже НТ, в расчете, что она расскажет об этом мне... Или кому-то еще, кто столь же пытлив, как ты, и раскроет его замысел. Ничего себе! погоди... так ты вытащил письмо? Оно – у тебя?

Костя, как мог, постарался избежать пафосного жеста, но он поневоле вышел таким – он достал из клапана рюкзака листок и протянул мне. Я схватил его. Он был пустой, за исключением адреса какой-то «вконтактной» записи, написанный от руки сверху.

- Ты набрал эту запись?

Костя, подобно волшебнику, вынимающему из шляпы все новые чудеса, молча передал мне планшет с уже открытой записью. От имени некоего «Кони Мельхиорового» (на аватарке была архивное черно-белое фото импозантного господина в шляпе; если мне не изменяет память, это Хармс) предлагался за тысячу рублей какой-то простенький планшет. Я взглянул на Костю.

- Для рекламного хода выглядит архинеэффективно, – сказал он. – Значит, цель – другая. Я обследовал аккаунт. Похоже было на какого-то глупого школьника, приторговывающего компьютерным барахлом. Страница, видимо, давняя и настоящая: фильмы-боевики, компьютерные игры, комиксы, скабрзные шутки – всего довольно много. Если и искусственная страница, то стиль выдержан качественно... Короче. Я написал по объявлению и попросил приехать посмотреть планшет.

- И?

- Приехал. И увидел вот это. – Костя снова открыл видео.

Я задумался. Но стоило мне открыть рот, чтобы задать вопрос, как Костя перебил:

- Да, разумеется. Это первое, что пришло мне в голову. Что он прикидывается. Но я убедился – нет. Невозможно. Сейчас это действительно жалкое пустое существо, просиживающее сутками за компьютерными играми и живущее перепродажей подержанных гаджетов. И никаких подводных камней.

- Но он сам спланировал «наводку» на себя...

- Тогда он еще был Николаем. Очевидно, метаморфоза произошла с ним недавно.

- Значит, его «стер» кто-то другой? Выходит, Николай – тоже жертва? – я пытался соображать.  
- Нет, нет, погоди, самая правдоподобная мысль, которая тут может быть – что это обман. Он заманил тебя (точнее, он думал, что это буду я) к себе специально, чтобы закрыть вопрос о своей причастности. Он ведь не знал, что нам будет все равно – или почти все равно – и мы уедем. Он на всякий случай решил себя обезопасить!

Я взял у Кости телефон и залез на страницу Мельхиорового. Прокрутил вниз ленту событий.

- Смотри, он продавал смартфоны еще месяц назад, вот! И вот, как можешь видеть – в течение всего ближайшего прошлого он был такой же пустышкой. Контент соответствующий. Никакого Николая с его высокими культурными запросами там и близко нет. Слушай, а может это не его страница?

Костя взял у меня телефон и открыл раздел фотографий. Нет, невозможно! Там были изображения Николая! Причем не свежевставленные, а старые – годичной и более давности. Выходит, подлог исключался, если только не вооружиться любимой версией НТ о перебивке дат.

- Это точно его страница, - резюмировал Костя. – Правда, я не исключаю возможности, что она была создана специально для публичного доступа – для аудитории его типичных покупателей. Свою другую сторону он здесь не показывает. Но раньше она хотя бы была, эта другая сторона, а теперь ее нет. Исчезла. Он сам превратился в свою публичную страницу.

Я не знал, что думать.

- Он что-то помнит о себе прошлом?

- Ну как сказать. Когда я втерся к нему в доверие – для этого пришлось купить у него совершенно ненужный мне планшет, а еще бесплатно оказать услугу по ремонту компа – я пытался наводить его на разговор о Тасе и Елене.

- И он сделал вид, что таких не знает?

- Не то, чтобы так. С одной стороны, эти имена не вызывают в нем удивления. Он помнит, что вроде бы их знает. Но на самом деле он ничего не знает. Короче, все как у Таси: он родился на свет несколько дней назад, хотя уверен, что имеет историю. Воспоминания представлены в виде нераспакованных коробок с ярлычками. Якобы там что-то есть. Но заглянешь внутрь – там пусто. Только, в отличие от Таси, это недосущество не испытывает по этому поводу страданий. Я бы так сказал: те немногочисленные компоненты, из которых состоит его личность, пребывают в полной гармонии. Не удивлюсь, если он так всю жизнь протянет. Он вполне жизнеспособен: знает, что нужно зарабатывать деньги и знает, как. Его мир узок, как щель, но это не выглядит странным. Таких людей довольно много. Вобщем, вполне социализированный олигофрен.

- А его родственники? Он питерский? Они-то почему ничего не заметили?

- У него только мать, работает библиотекаршей в школе, а летом копается на даче. Без особых духовных запросов и не очень наблюдательна. Когда в городе, то большую часть свободного времени проводит за сериалами. Они теперь – идеальная семья. Впрочем, они и раньше-то особо не общались. Он такой скрытный, сказала мне она, когда я зашел в ее комнату покрутить старенький телевизор – там звук барахлил. Все за компом сидит, говорит. Видимо, он и раньше сидел за компом, когда ему было что скрывать – только с другими целями. А теперь ему скрывать нечего. Прост, как чистый лист. Но из-за былой скрытности мамаша не заметила

разницы. Представляешь? Ест с аппетитом, кстати. Все пищевые привычки остались теми же. В одежде, похоже, тоже. Он ведь и раньше особо не следил за модой. Это только с точки зрения НТ он на стадионе был «хорошо одет». Вобщем, маме просто не на что обратить внимание.

- Так ты назвал ему имена, что-то рассказал о них...

- Ровно настолько, чтобы убедиться, что никакого специального содержания в соответствующих коробках у него не лежит. А, ну да, Тася. Есть такая. Как у нее дела? И это все.

- И все-таки – а если он талантливейший лжец? Смотри – он получает твоё сообщение, смотрит твою страницу и видит среди френдов меня. Понимает, что ты стучишься не просто так. И решает разыграть комедию.

- Допустить совершенную иллюзию реальности, разумеется, можно. Но, если она абсолютно не отличается от реальности, какой смысл в этом допущении? Просмотри запись еще раз. Я провел у него часа три. Я даже незаметно подглядывал, время от времени выходя от его мамы в туалет. Ничего, пусто! Единственное разнообразие тупой сосредоточенности в компьютере – он иногда отхлебывал своего энергетика. И все. Ну хорошо, предположим, он обманул мою бдительность и играл роль все три часа подряд. Но не слишком ли сложно для такой простой цели? Зачем заманивать меня в дом и рисковать, что я просто с порога, ничего не выясняя, дам ему молотком по голове (почему бы и нет?), когда можно было просто прийти в ваш подъезд и всеми доступными способами удалить из ящика листок. Не знаю – кислотой туда плеснуть. Поджечь ящик, в конце концов. Если бы, предположим, он его сначала оставил, а потом передумал. Но нет – он намеренно оставил улику против самого себя! Единственный разумный вариант: после того, как с ним произошло ЭТО, он не подозревает ни о листке, ни о наших к нему претензиях.

Я еще и еще раз прокручивал запись. Нет, это не Николай. Это место в пространстве, которое он когда-то занимал. Николая больше нет. Он стерт. Кем? Как его найти?

Тем временем Костя снова принял горизонтальное положение. Было уже около полуночи.

- Знаешь, я нашел у него еще кое-что. Декларируется, как записки настоящего Николая. Пока он им был.

Я подскочил.

- Где? Кем декларируется? Почему же ты молчишь?

- Я подозреваю, что ты и в них усомнишься. Разумеется, теоретически это тоже может быть частью огромного подлога, чтобы ввести нас в заблуждение, и т.д. Но, вобщем, смотри.

Костя высунул руку из спальника и снова порылся в клапане рюкзака. На сей раз он извлек планшет, включил его, поводит пальцем по экрану и передал мне. Это был текстовый документ без названия и, похоже, даже без начала. Я принялся читать:

«...Ты говоришь, что мечтаешь скрестить литературу и жизнь, реальность и мечту. Я тоже всегда хотел этого. Дочитывая до конца талантливую книгу, я рыдал, оттого что приходилось навсегда прощаться с ее героями. Какое-то время мне было дозволено синхронизировать мое и их бытие, но книга заканчивалась, и они навсегда остались в своей дивной цикличной вечности (можно перечесть еще раз, да), живущие по законам литературы, где нет места рутине. Я же

оставался в своем мире, где мне только в мечтах дозволено испытывать ту легкость, с которой они совершали невозможное. Я чувствовал себя глубоко обманутым. Почему они живут там, а я – здесь? В реальности слишком много ненужных подробностей. Начать с того, что нужно уныло проживать каждую секунду, а у них лишних сущностей нет – они живут только в свои наиболее содержательные моменты. Как олимпийские боги. Я плакал и говорил – не уходите! Я хочу к вам, возьмите меня с собой! Но книги лишь манили, лишь растравляли душу, лишь сильнее подчеркивали жестокий удел того, кому довелось быть героем реальности...»

- Кто это написал? Где ты это взял? – удивился я.

- В компе у пост-Николая. Когда я понял, что с его хозяина взять нечего, я поставил себе целью исследовать его компьютер. Именно с этой целью я уверил его в несуществующей заторможенности процессора, а также в том, что только я смогу его «разогнать». Видел бы ты, каких трудов стоило оторвать его от экрана! Это настоящий игроман. Спасло то, что вот в этом самом планшете, который я пришел у него покупать, тоже можно было играть. И он отвлекся. А я получил минут двадцать, чтобы обшарить его жесткий диск вдоль и поперек... В целом комп соответствовал запросам нынешнего Николая, но я нашел и кое-что от старого – несколько книг, которые нынешний никогда не стал бы читать, и вот это.

«Позже мне пришла в голову эта мысль – если я не могу переселиться внутрь книги, то, может, я могу сам измениться так, чтобы мне не хотелось завидовать ее героям? Замечательная мечта – смоделировать собственную идеальную душу, которой самому со стороны захочется восхищаться. Я неприятен себе, но ведь я могу покончить с собой-нынешним и создать себя заново. Соединить в душе все заманчивые качества, которые сейчас кажутся взаимоисключающими – быть одновременно смелым и рискованным, но при этом умным и рассудительным. Быть пылким романтиком, отважным воином, но при этом – тонким мыслителем. Быть математиком, поэтом и дровосеком в одном лице, и все функции выполнять одинаково великолепно. Да, ты верно понимаешь: я захотел собрать лучшие части других душ и сделать из них одну – гибридную. И чтобы эта душа была моей. Понятно, что вырастить эту душу на базе своей собственной – так сказать, естественным путем – невозможно: будет мешать личная память, этот мерзкий груз, что не дает взлететь. Ее тоже нужно откорректировать, и именно поэтому я настаиваю именно на такой постановке вопроса: искусственное смешение. Новая душа не должна знать, кем была раньше, и что она сама себя создала. Я в прямом смысле желаю начать жизнь сначала, и это должна быть другая жизнь, безо всякой связи с предыдущей».

- Я уже не раз это перечитывал. Давай, пока ты считаешь, я подремлю? – послышался голос из спальника.

- Да, конечно, - сказал я и продолжил читать:

«Итак, дело было за малым – придумать, как смешать души. Случайный разговор с тобой на совсем другую тему натолкнул меня на решение. Эта твоя реплика о том, что есть идея, что все души и так представляют собой одну, разделенную воображаемыми границами, как меридианы на глобусе – она подсказала мне, что я нахожусь в двух шагах от искомого. Все души, точнее все интересные их фрагменты, точнее, все интересные фрагменты одной общей души, оказывается, находятся в моем распоряжении. Что же мне мешает протянуть руку и взять их? И тут я понял: если единство – это состояние по умолчанию, а условное разделение на личности – это некое вторичное действие, то, значит, если сумею «отключить» это вторичное действие, то можно вернуться к исходному состоянию. Ключ, повернув который, можно осознать себя частью единой души. Получить доступ ко всем мыслям всех людей. И переставить условные границы по-другому».

Я подумал про себя, что эта идея имеет как минимум одну нестыковку: как обнаруженный одной личностью «ключ» сможет убрать личностные границы у всех остальных? Если «ключ» она находит в себе, то как...

«Кант считал, что пространство и время – это т.н. «интуиции», априорно данные человеку инструменты для познания мира. Что-то вроде матриц, в которые укладываются хаотические сигналы извне. Человек не способен воспринимать единство, все-и-сразу. Поэтому вещи для него раскладываются по очереди – в пространстве и во времени. Наше «я» является такой же интуицией. Человеку трудно воспринять себя единой Мировой Душой, поэтому ему дана уверенность, что он «отвечает» лишь за ее маленький кусочек. На самом деле этот кусочек – это тоже она. Осознав это, можно без труда «отформатировать» Единого Себя по-другому. Порезать на другие условные кусочки».

Мне опять бросилось в глаза противоречие: ведь если человеческая душа, пусть даже она – иллюзия, без этих интуиций воспринимать мир не может, то как рассчитывает сделать это автор данных строк?

«Ты верно замечаешь, что человеку недоступно длительное созерцание единства, поэтому в тот же миг, когда он осознает себя единым разумом, ему необходимо вновь разделить себя на сегменты-личности. При этом «переформатированием» можно затронуть сколько угодно душ. Все они – это ты. Значит, говоришь ты, можно усовершенствовать не только ту личность, которую я в данный момент считаю своей, но и любую другую. И точно также любую или даже свою – редуцировать, сократить или даже уничтожить. Неважно, какую: если я отражаюсь в бесконечном множестве маленьких зеркал, то какая разница, какие их них я разобью? Я могу сократить условно свою душу, могу – условно твою. Ты, надеюсь, не обидишься?)) На нашу общую целостность это все равно не повлияет.

Я никогда не чувствовал такой легкости, как сейчас. Гениальное в своей простоте открытие окрыляет меня. Найденный нами инструмент настолько прост в использовании и очевиден, что лишь этим можно объяснить тот факт, что до сих пор его никто не замечал. Как яблоко Ньютона. Как нам хочется немедленно приступить к практическому опыту! И хотя приготовления, которые ты считаешь нужными сделать, кажутся мне излишними, я с благодарностью все выполняю. Так, ты полагаешь, что неплохо бы записать мои нынешние мысли, на случай, если после «переформатирования» этот фрагмент почему-то потеряется (мы с тобой решили, что наиболее ценные фрагменты нас-теперешних мы сохраним в новых испостасях). Ты предлагаешь найти место, где бы мы могли спокойно провести наш опыт, то есть снять где-то комнату. В свете величия того, что мы задумали, все это выглядит так грубо-материалистично, но раз ты так считаешь – изволь. Ты хочешь, чтобы в первый раз свой выключатель интуиции «я» повернула ты. Мне не терпится и самому испытать вожаденный опыт, но ты считаешь, что кто-то из нас-нынешних должен побыть сторонним наблюдателем и исправить, если что-то пойдет не так... Я не понимаю, как что-то может пойти не так. Я вижу весь наш эксперимент в такой восхитительной ясности, будто бы мы с тобой уже сподобились Мировой Души и выбрали себе ее новые воплощения. Но ты говоришь, что пока ты – еще ты, в тебе остается слабость просчитывать все варианты. Что ж, я готов угодить твоей слабости. Итак, комната есть. Ее хозяйка – идеальное подопытное существо, потому что ее сознание практически полностью состоит из простейших рефлексов. Ее тоже можно вовлечь в переформатирование. Чтобы мы в нее не привнесли, это послужит ей на пользу. Но главный объект (точнее, материал) первого эксперимента – твоя наивная знакомая, которую ты зачем-то развлекаешь поучительной перепиской. Ты считаешь, что в ней что-то есть, чего не хватает тебе. Ты хочешь обладать этим чем-то, взять это в свою душу. Посмотреть на мир ее глазами. Я, право, так и не обнаружил этого волшебного источника, хотя по твоей просьбе целых три месяца обхаживал ее. Впрочем, тебе виднее. Испытуемыми второго ряда, кроме

приматообразной хозяйки, станут несколько произвольно выбранных знакомых – твоих, моих, твоей подружки. Попробуем подкорректировать их души, вырвать из рутины, переписать крупными контрастными мазками, сделать из них персонажей, достойных литературы. Жаль, что они не смогут нас поблагодарить, хотя – кто знает. Первый этап творчества достается тебе. Через некоторое время поверну выключатель я, и закончу начатое».

Я машинально делал про себя заметки, позабыв, что читаю совсем не для этого. Я подумал, что если Николай счел, что открыл способ отключить интуицию «я», то что мешало ему замахнуться, например, также и на интуицию времени? Зачем было разводить во времени «сеансы» Елены и свой собственный, если он мог просто повернуть выключатель временного «фильтра» и получить возможность произвести все действия сразу? Но, возможно, он считал, что с таким единством ему точно не совладать. Или не нашел выключателя. Или просто решил, что кой-какие ограничения его теории все же нужны – а то она выглядит уж слишком неправдоподобно простой.

«Пожалуй, ты права: посмотреть на твой результат еще своими глазами, глазами себя-нынешнего – это необычайно интересно. Узнаешь ли ты меня после ЭТОГО? Вспомнишь ли наши разговоры? Ты любила повторять, что наша разница в возрасте – еще одна условность, хотя на самом деле, знаю, она была существенной для тебя. Любопытно, как изменится твой взгляд на меня после того, как ты позаимствуешь часть души своей подружки? Потом, когда я сам переформатируюсь, этот вопрос, вероятнее всего, перестанет меня занимать. Точнее, не будет никого, для кого он был бы интересен».

Костя сладко сопел в спальнике. Я сунул в печь еще дровину. Записи шли единым потоком, без дат, но очевидно, что нижеследующее было написано уже по прошествии какого-то времени:

«Где ты? Куда ты исчезла? Где тебя искать? В том человеке, которым ты была раньше, не осталось ничего, кроме оболочки. Она помнит, что дружит с молодым симпатичным Николаем, у которого побывала в гостях; она кокетливо хихикала, повиснув у меня на локте, но это была уже не ты. Она даже готова не просто хихикать, но это отвратительно, это мне не нужно. Мне нужна ты. А может, ты тоже ставишь эксперимент, да? Ты думаешь, что я тоже уже сделал ЭТО, и хочешь узнать, сколько меня осталось во мне? Ты хочешь убедиться, что я узнаю тебя в этом нелепом существе на стадионе, производном от твоей подружки? Ну хорошо, хорошо, давай поиграем в эту игру. Как будто я не узнаю тебя, а ты – меня. Ах, ну конечно же. Нужно было догадаться. Ты обиделась на меня за чисто бытовое неудобство, возникшее из-за моей глупой рассеянности – перед уходом я забыл заплатить нашей хозяйке за комнату за два дня вперед, как собирался. Твои усилия по изменению ее души, по-видимому, принесли мало успеха: у насекомых души нет. Что ж, обещаю тебе, что в свою очередь я ею займусь. Она, вероятно, сказала тебе что-то неприятное и выгнала... Сочувствую тебе, но разве стоит это маленькое происшествие той цели, которую мы перед собой поставили? Мы, которые дерзнули раздвинуть границы человеческой личности – разве мы можем обращать внимание на обиды, нанесенные всего лишь одной из наших иллюзорных форм? К тому же, так называемая обида не имела никаких последствий. Ты просто пошла домой, и все. Судя по тому, что я обнаружил тебя в квартире твоей подружки, наш план полностью осуществился: ты осознала себя ею, которая помнит, что раньше была тобой. И я был прав, когда несколько дней подряд, уже в ходе процесса, регулярно отправлял ее заниматься на стадион: мне хотелось укрепить воспоминания о стадионе у твоей новой гибридной личности. Что ж, я явно добился своего: ты ощущаешь привычку сюда ходить, и вот ты снова здесь. Но зачем делаешь вид, что не узнаешь меня? И почему я не узнаю тебя?»

Прости, что не вернулся сразу, когда пошел провожать до метро ту, прежнюю. Я разволновался из-за одного обстоятельства. Ей стало плохо у метро, мне пришлось изобразить

себя озабоченным посторонним, потом я плавно передал обязанности по вызову «Скорой» какой-то сердобольной прохожей и незаметно ретировался. Хотя я был уверен, что ничего страшного не произойдет – такое ведь и раньше случалось – мне стало не по себе и я решил в этот день не возвращаться в нашу комнату, отдохнуть дома от бессонных ночей. Ведь я был уверен, что комната оплачена, что ты спокойно вживаешься в новую душу. В этот период, по твоему же собственному убеждению, ты еще не должна была реагировать на чье-то присутствие или отсутствие. Так за что же ты решила наказать меня?

Ты упорно не реагируешь на все наши заранее условленные сигналы. Пропускаешь мимо ушей контрольные вопросы. Я чуть было не попался на краже твоего нетбука, а ведь это ты придумала такой «страховочный вариант»: ты уверяла, что в сочетании со стрессом потери мое лицо должно будет включить в тебе нужное воспоминание. Неужели мы что-то упустили? Коробочка с воспоминанием не открылась? Или в ней оказалось пусто?

Я вернулся, как только пришел в себя. Хозяйка сказала мне, что ты съехала. Я не догадался сразу спросить – куда, и побежал к твоему новому дому. Ты сама велела ликвидировать твой мобильник, опасаясь, что звонки знакомых твоей подружки могут помешать активизации нужных компонентов новой личности. Я был уверен, что ты в квартире; я настойчиво звонил в дверь, но тщетно. Наконец я вспомнил – ну конечно же! – если мои расчеты были верны, то привычка ходить на стадион должна была остаться. Я стал поджидать тебя там, и мне повезло. Я проследил за тобой и выяснил, где ты бываешь. Это было довольно странно: ты зачем-то сняла дополнительную комнату в общежитии, хотя у тебя есть удобная квартира. Неужели ты опасалась ее родственников? Потом, впрочем, ты передумала и снова туда вернулась, а я опять по нелепой случайности упустил этот момент. После кражи нетбука я счел, что мне стоит некоторое время не показываться в квартале; впрочем, это наверняка были ложные опасения. Однако за это время ты переместилась в квартиру и больше ее не покидала.

Я решился испытать последнюю возможность проникнуть внутрь тебя – я попытался уговорить тебя взять из почтового ящика записку, которую ты сама туда для себя положила. По твоему замыслу, твоя склонность выбирать сложные пути должна была побудить тебя пройти по написанной там ссылке и прочесть послание, где мы изложили суть нашего открытия. Я, как мог, пытался уговорить тебя взять записку. Но нет: ты словно решила приговорить себя к добровольному заточению в квартире.

Наконец, забрезжила надежда. Я вовлек тебя в переписку, и ты откликнулась на несколько кодовых слов. Ты почувствовала ко мне доверие; так и должно было быть, мы так и планировали! Информация о нетбуке запустила цепочку мыслительных реакций. Еще немного, и ты снова будешь со мной! Так я думал, но меня ожидало разочарование. Оказывается, ты обманывала меня: все это время ты не теряла себя ни на минуту. Не знаю, за что ты решила преподать мне этот жестокий урок, но твоя последняя насмешка особенно удалась. Я поверил, что ты ждешь меня, что сейчас ты откроешь мне дверь и мы вновь соединимся для созерцания чуда, которое вместе сотворили... Но в тот самый момент, когда я должен был войти в подъезд, ты попросила прийти также и его – этого ничтожного толстого приживальщика твоей подружки. Должно быть, непросто было синхронизировать моменты нашего с ним появления. Почему для своей демонстрации непонятно чего ты выбрала именно этот объект? Вероятно, чтобы унижить меня еще сильнее? Последние три месяца мне и так пришлось потратить на разговоры о нем несказанно больше времени, чем он заслуживал. И все для того, чтобы расчистить тебе пространство для «подселения» в душу его подруги. И вот ты здесь – впитавшая в себя свежие силы ее молодости, неопытности, легкомыслия. Освободившаяся от лишнего груза прожитых лет, но сохранившая экстракт опыта. Готовая начать новую жизнь нового человека в собственной, что немаловажно, квартире. Во всем этом помог тебе я. И после этого я оказался не нужен! А может, ты мечтала просто вкусить молодильного яблока,

освежающего и тело, и душу? Может, твои разговоры о желании раствориться в Единой Душе были ложью, а на самом деле ты просто хотела прожить еще одну жизнь – вполне будничную, пусть с новыми мыслями и новыми обстоятельствами, но все-таки обычную человеческую жизнь?

Я остаюсь в неведении относительно истинных мотивов твоих поступков. Одно я знаю наверняка: мне бессмысленно пытаться разгадать их, стоя в ночи под твоими окнами и наблюдая, как ты пьешь чай со своим новым другом. Я ухожу. Я доведу до конца наш эксперимент, но внесу в него некоторые коррективы. Раньше я хотел познать мысли всех людей на Земле, расширяться до масштабов общего разума. Теперь, наоборот, я мечтаю сжаться до размера самой бесхитростной душонки. Думаю, мне это удастся без труда.

Прощай! Если ты прочла это, значит, ты все-таки достала листок из ящика и навестила меня. Если, глядя на ничтожество, которым я стал, ты ощутила хоть призрак чувства утраты – знай, ты сделала все это своими собственными руками».

- Увы, но она это не прочла, - машинально пробормотал я, и как раз тут Костя зашевелился.

- Дрова, наверное, все-таки сыроваты, - сказал он, вытянув руку из спальника и роясь в грудe сваленных в угол вещей. - Температура так себе. Надо готовиться к суровой зиме! Попробую утеплиться курткой... Ты еще не спишь? Читаешь? Я думал, ты давно закончил. - Он заворочался, распределяя пуховку внутри спальника. - Ну, что скажешь?

- Местами он выглядит занимательным, - заметил я после некоторого молчания.

- Заметь, что у всего этого может быть бесконечное число других объяснений, - сказал Костя, снова улегшись. - Именно что – бесконечное. Варианты, подварианты и так далее. Если хочешь, можем каждый день обсуждать новый...

- Наверное, все-таки не стоит, - улыбнулся я.

- Вот и я так думаю. Раз тебя полностью устраивает то, что, как полагает Николай, он тебе подарил, то тем более нет нужды умножать сущности.

- А если он все-таки прикидывается?

- Так как мы не смогли это доказать, придется опять-таки поверить ему на слово.

- Знаешь, - сказал я, подумав, - если хоть часть из того, что он написал – правда, то это хорошо, что они оба сгинули в небытии.

- Пожалуй. Засунь еще дровину и давай спать.

Я так и сделал.

-----